І. Чтение на уроке

В. А. Белкина

Что дает человеку чтение?

Несколько лет назад мне пришлось проводить первые уроки в самом начале нового учебного года в незапланированные сроки, вне расписания. Настроение в классах царило еще каникулярное, но не хотелось, чтобы занятия из-за этого были малоэффективными, и я стала искать такой вариант стартового урока по первой теме нашего учебного плана – творчеству Чехова, чтобы одиннадцатиклассников, несмотря ни на что, «зацепило», чтобы они включились и стали работать. Учитывая, что Чехов нередко кажется школьникам скучным писателем, я подумала, что надо найти что-то такое, чем бы Чехов современных подростков удивил, поразил. И я вспомнила про рассказ «Пари».

Когда я перечитала текст, поняла: сама композиция рассказа выстроена так, что в аудитории нельзя его просто прочесть вслух, что напрашивается вовлечение слушателей в работу с этим текстом уже в процессе его озвучивания. И постепенно из этого спонтанно возникшего замысла у меня вырос урок с четкими стратегическими целями, которым я теперь нередко начинаю свое знакомство с новым классом – неважно, девятый это класс, десятый или выпускной одиннадцатый. Итак, сначала просто читаем Чехова вслух.

Речь в рассказе идет о странном пари, заключенном между неким банкиром и молодым юристом, обязавшимся доказать личным примером, что многолетнее заключение, изоляция от общества – не такое уж страшное наказание. В течение 15 лет банкир (считавший, что пожизненное заключение хуже, чем смертная казнь) обеспечивал своего добровольного узника всем необходимым и теперь, за несколько часов до истечения установленного срока, не мог не признать, что пари им будет

вот-вот проиграно и придется выплатить обещанные два миллиона. За годы, проведенные в наглухо закрытом флигеле, юрист изучил шесть языков, проштудировал десятки учебников и научных трудов по самым разным дисциплинам и прочитал сотни всевозможных книг. Наутро заключенный выйдет на свободу, получит выигранные деньги – и банкир останется нищим. Не выдержав мучительного ожидания, постаревший банкир ночью тайно прокрался к флигелю и «...заглянул в маленькое окно. В комнате узника тускло горела свеча. Сам он сидел у стола. Видны были только его спина, волосы на голове да руки. На столе, на двух креслах и на ковре, возле стола, лежали раскрытые книги. Прошло пять минут, и узник ни разу не шевельнулся. Пятнадцатилетнее заключение научило его сидеть неподвижно. Банкир постучал пальцем в окно, и узник не ответил на этот стук ни одним движением. Тогда банкир осторожно сорвал с двери печати и вложил ключ в замочную скважину. Зажавленный замок издал хриплый звук, и дверь скрипнула. Банкир ожидал, что тотчас же послышится крик удивления и шаги, но прошло минуты три, и за дверью было тихо по-прежнему. Он решился войти в комнату»...

И тут – не предупредив об этом заранее! – я чтение прерываю. Поскольку проделывала это уже не раз и не два в разных и по возрасту, и по уровню читательского развития аудиториях, скажу с полной ответственностью: все замирают, буквально раскрыв рот. И ни разу и никто не отказался выполнить самое естественное в данной ситуации задание: **напишите, что, по-вашему, было дальше.** Более того, почти все без исключения трудятся с энтузиазмом.

Дальше смотрим, что получилось. Обычно хватает двух-трех разных примеров, чтобы интерес к чтению только возрос.

Рискуя злоупотребить терпением аудитории, вместо того чтобы прочитать чеховский вариант окончания заинтриговавшей всех истории, предлагаю смоделировать ряд возможных версий. Он получается примерно таким:

- банкиру удается убить юриста;
- юрист убивает банкира;
- они убивают друг друга;
- банкир заканчивает жизнь самоубийством;
- юрист заканчивает жизнь самоубийством;
- оба живы, выиграл юрист;
- оба живы, выиграл банкир;
- юрист сошел с ума;
- банкир сошел с ума;
- банкир не отдал деньги;
- юрист не взял деньги...

И тут неизбежно возникает вопрос: *какие из этих «исходов» более вероятны, какие – менее, а какие, скорее всего, невозможны?* Приходится разбираться. Иногда подсказкой оказывается наводящий вопрос: *в какой момент мы прервали чтение?* Как правило, ответ следует незамедлительно: в момент **кульминации**. Кульминации должно предшествовать **развитие действия**. В рассказе Чехова эту роль выполняет подробное описание *этапов чтения* узника (оно занимает целых полторы страницы из семи, то есть почти четвертую часть объема всего рассказа). Это принципиально важный фрагмент текста! Теперь никого в классе не нужно убеждать: если банкир просто пришел и убил юриста, то смысл произведения мы не уловили. Бывает, что необходимо задать еще один наводящий вопрос: *а про кого вообще этот рассказ – про банкира или про юриста?*

Таким образом я готовлю ребят к восприятию авторского варианта окончания истории и подталкиваю своих слушателей к тому, чтобы они еще раз «мысленно перечитали» рассказ и оценили свою первоначальную версию.

Приведу – в своем пересказе – ученические варианты продолжения чеховского текста:

Банкир нашел вместо узника куклу, которую тот использовал уже несколько лет, регулярно выходя на свободу через незаметный лаз (Попов Саша).

Узник ослеп и сам просит банкира убить его (Шерстюк Вова).

Банкир не выдержал встречи, в страхе вернулся к себе и застрелился (Гуторова Рита).

В момент убийства в комнату вошел сторож. Банкиру ничего не оставалось, как убить себя (Косулин Петр).

Банкир и юрист ночью поговорили, а наутро банкир этим воспользовался: узник не выполнил условия договора, он до окончания срока с кем-то общался (Силко Настя).

Условия пари были выполнены, но каждый сожалел о том, что потерял: банкир – состояние, узник – 15 лет жизни (Шулепов Илья).

Юрист не стал покидать свою «камеру». Он стал свободным духовно, поэтому физическая свобода теперь не имела для него значения (Шмаков Павел).

Банкир похолодел: узник был мертв. На столе перед ним лежала записка: «Я глубоко заблуждался: и заключение, и казнь ведут к смерти. Но куда страшнее смерти ее томительное ожидание». Страх банкира чуть не сменился торжеством, но в глубине души он чувствовал, что виноват в смерти узника. Он – палач. И эта мысль не давала ему покоя (Рубан Роман).

Юрист покинул флигель до срока, а через полгода прошел слух о появившемся неизвестно откуда сорокалетнем гении и его открытиях в области математики, биологии и философии. Кажалось, что он знает больше, чем все ученые умы вместе взятые... Банкир же окончательно разорился, сошел с ума и умер (Рябченко Александр).

Тут банкир проснулся и обнаружил, что все это был сон (Сивых Миша).

Юрист вступил в сговор со сторожем, и все эти годы они водили банкира за нос. Узник гулял по ночам на свободе (Сараев Сергей).

За годы, проведенные среди книг, юрист понял, что деньги не главное в жизни. Он простил банкира и не стал требовать с него денег. Банкира поразила мудрость этого человека, он потратил все оставшиеся деньги на благотворительность и всю жизнь моллился об искуплении грехов (Трямкин Максим).

Некоторым (обычно это бывает в 15–20% работ) **почти** удастся «угадать» вариант Чехова. Но практически никогда и никто не «угадывал» до конца. Чехову неизменно удастся обмануть наши ожидания. Чеховский герой отказывается от выигрыша и оставляет поразительное по содержанию письмо, заставляющее его тюремщика-банкира заплакать:

«Завтра в двенадцать часов дня я получаю свободу и право общения с людьми. Но, прежде чем оставить эту комнату и увидеть солнце, я считаю нужным сказать вам несколько слов. По чистой совести и перед богом, который видит меня, заявляю вам, что я презираю и свободу, и жизнь, и здоровье, и все то, что в ваших книгах называется благами мира.

Пятнадцать лет я внимательно изучал земную жизнь. Правда, я не видел земли и людей, но в ваших книгах я пил ароматное вино, пел песни, гонялся в лесах за оленями и дикими кабанам, любил женщин... Красавицы, воздушные, как облако, созданные волшебством ваших гениальных поэтов, посещали меня ночью и шептали мне чудные сказки, от которых пьянела моя голова. В ваших книгах я взбирался на вершины Эльбруса и Монблана и видел оттуда, как по утрам восходило солнце и как по вечерам заливало оно небо, океан и горные вершины багряным золотом; я видел оттуда, как надо мной, рассекая тучи, сверкали молнии; я видел зеленые леса, поля, реки, озера, города, слы-

шал пение сирен и игру пастушеских свирелей, осязал крылья прекрасных дьяволов, прилетавших ко мне беседовать о боге... В ваших книгах я бросался в бездонные пропасти, творил чудеса, убивал, сжигал города, проповедовал новые религии, завоевывал целые царства...

Ваши книги дали мне мудрость. Все то, что веками создавала неутомимая человеческая мысль, сдавлено в моем черепе в небольшой ком. Я знаю, что я умнее всех вас.

И я презираю ваши книги, презираю все блага мира и мудрость. Все ничтожно, брэнно, призрачно и обманчиво, как мираж. Пусть вы горды, мудры и прекрасны, но смерть сотрет вас с лица земли наравне с подпольными мышами, а потомство ваше, история, бессмертие ваших гениев замерзнут или сгорят вместе с земным шаром.

Вы обезумели и идете не по той дороге. Ложь принимаете вы за правду и безобразие за красоту. Вы удивились бы, если бы вследствие каких-нибудь обстоятельств на яблонях и апельсиновых деревьях вместо плодов вдруг выросли лягушки и ящерицы или розы стали издавать запах вспотевшей лошади; так я удивляюсь вам, променявшим небо на землю. Я не хочу понимать вас.

Чтоб показать вам на деле презрение к тому, чем живете вы, я отказываюсь от двух миллионов, о которых я когда-то мечтал, как о рае, и которые теперь презираю. Чтобы лишиться себя права на них, я выйду отсюда за пять часов до условленного срока и таким образом нарушу договор...»

Когда по прочтении авторского варианта спрашиваешь, что оказалось самым неожиданным, все изумленно вспоминают фразу: **«И я презираю ваши книги...»** Получается, что даже самые хитроумные предположения не раскрывали секрета этой истории. Все равно оставалось тайной: **каков же смысл чеховского рассказа?**

И тогда – не только у меня, но и у самих ребят – возникает череда вопросов: *Почему заплакал банкир? Куда побежал (пошел) узник после того, как покинул флигель? В каком состоянии был*

юрист, когда покидал флигель? Что происходило с узником (как менялось его душевное состояние) в течение этих пятнадцати лет? Как связаны друг с другом мудрость и презрение к людям, к миру? Счастливы ли юрист? Несчастен? Винаваты ли в этом книги? И самое главное: **Что приобрел и что потерял юрист? Пользу или вред принесло ему чтение?** Та проблема, с разговора о которой в некоторых учебниках по литературе предлагают начинать занятия в старших классах, – **что дает нам чтение?** – возникает на уроке по рассказу Чехова «Пари» сама собой.

А дальше задача учителя – выполнить только организующие функции. Иногда в классе возникало желание вернуться к тексту и подробно проанализировать, что и как читал юрист на протяжении 15 лет и как в зависимости от этого менялось его настроение и психологическое состояние. Иногда мы еще несколько раз перечитывали прощальное письмо узника, чтобы понять, **что** с ним произошло. Случалось и так, что мы просто делили доску пополам и перечисляли «плюсы» и «минусы» того, что дает или может дать человеку чтение. Приведу самые распространенные формулировки и несколько колоритных «авторских»:

+	–
новая информация, знания	трата времени (иногда скучно, трудно)
развитие (мышления, интеллекта, памяти, воображения...)	вред здоровью (портится зрение, болит голова)
возможность отвлечься от житейских, бытовых и прочих проблем	уход в себя, отрыв от действительности
возможность общения с другими людьми	своеобразный эрзац, суррогат жизни

+	–
способ развлечься, расслабиться	лишние переживания (жалко героев)
получение дополнительного жизненного опыта	«иногда узнаешь то, что не надо»
знакомство с разными точками зрения	запутываешься в чужих точках зрения
помогает лучше понять мир	можно получить неправильное представление о мире
удовольствие, наслаждение, вообще положительные эмоции, катарсис	неизбежность разочарования (в людях, в любви, в жизни, в ее смысле...)
повышение грамотности, пополнение словарного запаса	«замусоривание лексикона древними словами»

В каждом классе этот перечень оказывается если не бесконечным, то не фиксированным. А самое главное – он выстраивается на глазах, дышит и живет.

К каким выводам мы приходим? Бывает по-разному. Важен сам факт, что ключевая проблема нашего с детьми общения на уроках литературы – *зачем нам все это нужно? что такое книги в жизни человека?* – не навязывается классу учителем, дискуссия не подогревается искусственно, а в большинстве случаев идет увлекательно и приводит к очень плодотворным результатам. Иногда школьники, сами того не подозревая, подходят очень близко к тому, чтобы сформулировать идеи, столь ярко высказанные, например, И. А. Бродским в его Нобелевской лекции: *«Если искусство чему-то и учит (и художника в первую голову), то именно частности человеческого существования. Будучи наиболее древней – и наиболее буквальной – формой*

частного предпринимательства, оно вольно или невольно поощряет в человеке его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности, – превращая его из общественного животного в личность. Произведение искусства, литература в особенности и стихотворение в частности, обращается к человеку тет-а-тет, вступая с ним в прямые, без посредников, отношения. <...> Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание – всегда переживание частное. Всякая новая эстетическая реальность делает человека, ее переживающего, лицом еще более частным, и частность эта, обретающая форму литературного (или какого-либо иного) вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то формой защиты от порабощения. <...> Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее – хотя, возможно, и не счастливее».

Несколько моих учеников из разных выпусков по прошествии месяцев или даже лет признавались, что то, о чем говорилось на уроке по чеховскому «Пари», запомнилось накрепко и надолго.